

Нина
СЕВЕРОВА

В объятиях его
ОДЕРЖИМОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нина Северова

В объятиях его одержимости

<https://litres.ru/74381583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арина — фельдшер скорой помощи, согласилась подменить штатного врача в тюрьме. Но тюремный госпиталь — это другой мир. Здесь за решёткой томятся те, кого общество предпочитает забыть. И один из них — Тимур, опасный заключённый, который видит в ней не доктора, а женщину.

Арину тянет к нему, хотя разум кричит «беги». Тимур — шторм, который сметает все границы. Но ещё есть Иван, начальник колонии, предлагающий стабильность, защиту и любовь. В мире, где власть и страсть переплетаются, ни один выбор не будет лёгким.

Этот роман о запретном влечении, власти и цене, которую приходится платить за любовь без правил.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Арина	5
Глава 2. Арина	12
Глава 3. Арина	17
Глава 4. Арина	23
Глава 5. Тимур	28
Глава 6. Тимур	33
Глава 7. Дрёмов	37
Глава 8. Арина	41
Глава 9. Арина	45
Глава 10. Тимур	49
Глава 11. Тимур	54
Глава 12. Арина	59
Глава 13. Арина	65
Гла	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

В объятиях его одержимости

Пролог

Тимур наваливается на меня, прижимает к матрасу своим весом. А я не могу, захлебываюсь рыданиями. Он продолжает целовать ключицы, плечи.

— Ты... чудовище, - шепчу сквозь слезы.

Он приподнимается на локтях, внимательно смотрит мне в глаза. И я вижу какую-то дикую усталость и... разочарование? Тимур улыбается левым уголком губ, слизывает мои слезы.

— Да. Но я твоё чудовище, любимая. А ты — моя красавица. Как в сказке. Красавица и чудовище.

Тимур медленно снимает с меня домашние штаны, ведёт носом следом за тканью. Нюхает, как животное. Спускается до стоп, облизывает каждый палец на ноге, целует щиколотки.

Я срываюсь на рыдания. Не могу. Не могу выносить эту его всепоглощающую любовь, которая душит. Которая разрушает.

Боже, почему это всё происходит.

Глава 1. Арина

Ночная смена прошла напряжённо, куча вызовов. Мы сегодня без обеда и без сна. Смотрю на своего водителя, дядя Миша хоть и в возрасте, но держится бодрячком. Алена же, моя подруга и коллега, дремлет у меня на плече.

Да, работа в скорой помощи – это адски сложно. Но несмотря на все трудности и небольшую зарплату, я очень люблю свою работу. Медицина – моя страсть и я ни за что её не брошу.

— Буди Аленку, скоро на базе будем, – дядя Миша закуривает и выдыхает в окно.

— Я не сплю, – Алёна поднимает голову с моего плеча и сонно потягивается. – Хорошо, что завтра выходной. Сегодня буду отсыпаться, а завтра поведу Кирилла в «Остров сокровищ», обещала же.

— Внучке там нравится. Мы как придем туда, так за уши не вытащить, – ругается по-доброму дядя Миша.

— Вот и Кирилл тоже туда просится, любит эти лазалки. А я иногда смотрю как он падает там и зарабатываю новые седые волосы.

Смеёмся.

Мы с Алёной одноклассники. Начали дружить в начальной школе, потом поступили в медицинский колледж. И так случилось, что и в бригаде оказались вместе. Кирилл — сын

Алёны, мой крестник. Ему шесть лет и он сплошная ходячая проблема. Если Алёна посидит к тридцати, то это из-за сына, а не из-за нашей работы. Ну, и я вместе с ней, ведь мы очень близки и все невзгоды делим пополам.

Подъезжаем на станцию, коллеги уже приехали, мы самые последние. Вылезает из машины, на улице тепло, солнечно. Вдыхаю свежий воздух полной грудью. Люблю этот момент, когда осознаешь, что смена позади и сейчас два дня можно отдыхать. Тем более сейчас лето, а в жару вообще не хочется работать.

Заходим на станцию, в холле суета как обычно. Одни врачи сдают смены, другие готовятся заступать. Все бегает то с бумажками, то на инструктаж, то ещё куда-то. Мы идём сдавать медицинскую укладку.

— Доброе утро, Нина Николаевна, – улыбаясь заглядываю в кабинет, протягиваю женщине чемодан. Нина Николаевна сама проработала всю жизнь на скорой помощи, потом вышла на пенсию, но долго не смогла сидеть дома. И устроилась заново на станцию, но уже в другой должности. Ей за шестьдесят, но всегда маникюр, прическа и хорошее настроение.

— Доброе, Ариночка. Как смена? – Нина Николаевна забирает у меня чемодан и бумаги, начинает сверять.

— Вызовов было куча, мы даже на обед не смогли вырваться. То драка, то кухонный боец, то роды.

— Даже роды?! – хихикает, – Повезло вам сегодня, конечно. Ну теперь отдохнуть, надо поспать тебе, совсем устала.

— Да, сейчас домой спать.

Жду, пока женщина примет мой чемодан. Когда всё свелено, ставлю подпись и иду в раздевалку. Алёна почти переоделась.

— Нормально всё? – спрашивает подруга.

— Да, всё нормально.

— Радмиру сломали нос, прикинь? Сейчас видела Кристину, она сказала, что наркоман накинулся на Рада и лбом дал в нос. Рад уже дома, его сняли со смены сразу.

— Какой ужас! А пациент в ПНД? – открываю свой шкафчик.

— Да, Кристина сразу полицию по каналу вызвала, они приехали и скрутили его, – Алена застёгивает сандалии. – Но это вообще ни в какие ворота не лезет, а если бы она была одна? Этот мудака убил бы ее.

Врачи скорой помощи одни из самых незащищённых специалистов, на вызовах может произойти всё что угодно. Никогда не знаешь, что ожидать. И если ты девушка, то опасность увеличивается вдвое. Но надо отдать должное нашему дяде Мише, он почти всегда ходит с нами на вызовы. И с ним мы чувствуем себя в безопасности.

— Какие планы на выходные? – спрашивает Алёна.

— Честно говоря, никаких. Сегодня спать. Вечером, наверное, бабушка опять отправит в огород всё поливать и собирать, – улыбаюсь. – Может заедите? Кир любит клубнику, а в этом году ее просто немерено.

— Да, давай вечером заедем. Сейчас тоже хочу поспать, потом заберу из сада и поедем к тебе. Игривое брат? – подруга загадочно улыбается.

Обычно наши алкогольные вечера переходят в задушевные ночные разговоры, смех и слезы. И моя бабушка всегда сидит с нами до победного. Эта женщина любит с нами посекретничать, но и мы не против.

— Ладно, только бери сразу большую, а то, где потом искать добавку, – смеюсь.

Выходим на улицу, машин скорой помощи уже нет. У ворот ждёт дядя Миша на своей машине, сейчас подбросит нас домой. Золотой человек, заботится о нас, как о дочерях. И мы отвечаем ему тем же. У нас вообще бригада как маленькая семья, мы даже праздники некоторые вместе отмечаем.

Бежим к серебристому Ланосу, запрыгиваем на заднее сиденье.

— Простите, если долго, – щебечет Алёнка.

— Не, нормально, я даже покурить не успел, – мужчина заводит машину и мы плавно трогаемся с места.

В машине жарко, открываю окно. Ветер треплет волосы, солнце греет лицо. Такое чувство приятное, будто ты ребёнок и знаешь, что впереди три беззаботных месяца. Прикрываю глаза, ловлю этот момент. Чувствую, Алёна трогает меня за руку. Открываю глаза, подруга смотрит на меня своими зелёными омутами и улыбается. Мы молчим, но я знаю, что она тоже чувствует это.

Дядя Миша всегда высаживает нас на одной остановке, дальше мы сами. Живём с Алёной в соседних домах, поэтому идём тоже всегда вместе.

— Спасибо, что подвезли, – говорю мужчине и быстро выхожу из машины, пока на дороге не началось движение.

— Не за что, – кивает дядя Миша и снова закуривает.

— Надо снова провести с ним беседу, чтобы не курил столько, – бухтит Алёна и поправляет лямку от сумки.

— Да, он в последние месяцы просто как паровоз. Может случилось что?

— Да хрен знает. Он же не скажет, – подруга тормозит и смотрит в сторону супермаркета, – пойдешь в магазин? У меня вообще ни крошки хлеба нет.

— Нет, домой пойду. Давай тогда, до вечера, – обнимаю Алёну и иду в сторону дома.

Открываю входную дверь, скидываю сумку. Дома тишина, бабушка на даче. У нас солнечная сторона, поэтому вся квартира залита золотым светом. Люблю, когда так, сразу приятное ощущение дома.

Надо помыться, перекусить и завалиться спать. Но ещё позвонить бабушке, спросить как она там и предупредить, что вечером у нас сабантуй. Поток мыслей прерывает звонящий телефон. Ищу гаджет в сумке, смотрю га экран – незнакомый номер. Странно.

— Алло?

— Арина, здравствуй! Это Горячев.

— Константин Сергеевич, здравствуйте! Неожиданно вас услышать, – улыбаюсь. Мужчина преподавал у меня в мединституте, у нас всегда были прекрасные отношения.

— Да, я бы просто так не звонил.

— Что случилось? Вы заболели? – начинаю заваливать вопросами.

— Нет, Арина, со мной всё в порядке. Я, конечно, не молодею, но и на здоровье не жалуюсь, – хрипло смеётся. – На самом деле, хочу предложить тебе работу временную. Я знаю, что ты в скорой трудишься. Именно поэтому и предлагаю. Товарищ мой, начальник тюрьмы местной, ищет врача в колонию. Там врачей двое, один сломал ногу и теперь на месяц или чуть больше на больничном. Работа сменная, им на время нужен врач. А ты девушка с мозгами, опытом и выдержкой. Друг позвонил и я сразу про тебя подумал.

Зависаю. Врач в колонии? Сажусь на диван, подгибаю ноги под себя.

— Даже не знаю, если честно.

— Тебя смущает само место? Я понимаю, да. Там охрана всегда, сама понимаешь. Место режимное, в плане безопасности всё строго. Но и всех подряд тоже не берут, сначала через своих ищут надёжных кадров.

У меня нет предубеждений. Я врач и все пациенты для меня равны. Работая на скорой, я чего только не видела, и с каким контингентом только не работала. Бомжей с гнойными болячками обрабатывала, наркоманов бьющимися в при-

падке откачивала. Но в тюрьме не придётся выслушивать, как пьяный мужик с белкой клянётся «порешить суку-врача», сотрудники это дело пресекут сразу. Обычные пациенты гораздо опаснее, чем заключенные, ведь у них свобода действий. И безнаказанность.

— Да, место жуткое, но пациенты везде одинаковые. На скорой своих персонажей хватает, — смеюсь. — А что там от врача требуется?

— Как в поликлинике, сидеть и ждать, пока приведут кого-то на приём. Но у них там редко что-то случается, я ж говорю, с охраной строго, поэтому никаких чп.

— У меня на скорой график два через два. Если получится подстроиться, я согласна. Если нет, сами понимаете, скорая в приоритете.

— Ариночка, ты чудо! Очень выручишь моего товарища. Тогда я передам твой номер и дальше вы детально всё обсудите.

— Хорошо. До свидания, была рада вас услышать. Всего лишь подменить на месяц человека, это не сложно. Да и у меня будет чуть больше денег. Плюс опыт в трудовой. Думаю, всё только на пользу.

Тогда я даже в страшном сне не могла представить, что случится за этот месяц и как сильно это изменит мою жизнь.

Глава 2. Арина

Просыпаюсь от будильника. Время четыре часа дня, я вроде бы даже выпалась. После смены стараюсь не спать долго, иначе выходные пролетают незаметно. Спала шесть часов и на том спасибо.

Лежу, смотрю в потолок. Тело просыпается, а в голове снова рой мыслей. Звонок Константина Сергеевича выбил из колеи. Я не чувствую страх, но понимаю, что работа в колонии – это не то же самое, что и на скорой. Интересно, если бы у меня был муж и дети, согласилась бы на эту работу? Наверное, нет. Это сейчас мне терять нечего, никого нет кроме бабушки и Алёны. А если бы был муж...

Снова в груди липкое чувство разочарования. Как-то у меня не складываются отношения с противоположным полом. Знакомятся либо женатые, а это для меня сразу и навсегда табу. Либо парни без нормальных ориентиров в жизни. Я не против погулять, немного выпить и как-то весело провести время. Но у меня есть работа, которая отчасти вынуждает развиваться. Да и я сама стремлюсь к тому, чтобы стать хорошим врачом. И мне бы хотелось, чтобы мужчина рядом со мной тоже имел какую-то цель, что-то представлял из себя, а не только гулянки. Алёна говорит, что у меня слишком завышенные требования и поэтому я до сих пор девственница. Да, мне двадцать три и дальше поцелуев никогда не за-

ходило. Иногда меня это расстраивает, возможно, со мной что-то не так? Переворачиваюсь на бок.

Я не карьеристка. Но на текущий момент жизни, кроме работы у меня ничего нет, вот и держусь за нее. Поступила в медколледж после девятого класса, потому что тогда уже понимала, что денег не соберем на ВУЗ. Отец погиб десять лет назад, мамы нет уже семнадцать. Бабушка тянула меня одна на пенсию учителя начальных классов. Было тяжело, я не хотела оставаться обузой, нужно было самой на ноги вставать. Начались первые подработки санитаркой, потом работала в перевязочной, затем медсестрой в травматологии. Ну и со временем доучилась до фельдшера скорой помощи. Хочу быть хирургом, но не уверена, что будут время и деньги на обучение.

Встаю, иду в душ. Надо собираться на дачу, бабушка уже ждёт.

Открываю калитку, вижу, дверь в дом открыта.

— Бабушка! – зову.

— Арина? – через минуту выглядывает моя любимая, – Ты чего с пакетами?

Захожу в дом, ставлю два пакета на пол. Купила по мелочи продуктов. Обнимаю бабушку, она чмокает меня в обе щёки.

— Купила понемногу всего, Алена же с Кириллом придут позже. Он наверняка захочет чипсов или печенье.

— Зачем ему чипсы? Я пирожки напекла, – бабушка ки-

вает в сторону стола, а там два подноса пирожков.

— Он ещё не в том возрасте, чтобы выбирать между пирожками и чипсами – первое, – смеюсь.

Иду в комнату переодеваться. Кухня и столовая на солнечной стороне, а спальня в тенике и здесь всегда прямо холодно. Чувствую, мурашки побежали по рукам. Достая из шкафа дачные шорты, свободную футболку. Взгляд цепляется за фотографию родителей, которая висит на стене. В груди щемит, я очень скучаю.

— Арина, телефон! – бабушка кричит из кухни.

Бегу в коридор, помню, что должен позвонить мужчине из колонии. Достая телефон, наверное, он, номер не определился.

— Алло? – поднимаю трубку запыхавшись.

— Арина Александровна, здравствуйте. Мне ваш номер Константин Сергеевич дал, – слышу низкий мужской голос.

— Да-да, я ждала вашего звонка.

— Я начальник сто пятьдесят седьмой колонии, полковник Дрёмов, Иван Николаевич. Нам нужен врач на замену, где-то на месяц. Константин Сергеевич очень вас рекомендовал, – последнее мужчина говорит уже мягче.

— Константин Сергеевич мне кратко рассказал, что требуется. Так что, я немного в курсе.

— Вы сможете завтра утром приехать в колонию? К десяти? Будет ваш сменщик, всё расскажет и покажет. Ну и все бумаги подпишем сразу, детали обсудим.

— Да, конечно. Буду в десять.

После разговора чувствую волнение. Я уже согласилась, но надо обсудить всё с Алёной, нужна её поддержка. Бабушка точно будет против, но что поделать.

Подруга приезжает с сыном через час. Как и всегда заваливаются с шумом. Алёна не строгая мама, но до жути любит читать нотации. То Кирилл не так стоит, то не так смотрит. Добавьте к этому бесконечные проблемы с поведением и всё, уши в трубочку сворачиваются от постоянного бубнежа.

— Кир, ты можешь сначала разуться, а потом заходить в дом? – причитает Алёна с порога.

— Да мам! Чё ты начинаешь, я просто ещё не успел, – истерично отвечает крестник.

Что ж, видимо по дороге они поругались несколько раз и сейчас накал будет ещё больше подогреваться.

— Заходи, родной, – бабушка целует Кирилла в щеку, обнимает. Любит мальчика как родного внука.

— Здравсьте, тётъ Галь, – Алёнка следом за сыном обнимает бабушку, – мы принесли вино и торт.

— Торт не надо было, а вино я люблю, – бабушка щипает за бок подругу, Аленка смеётся.

— Давайте накроем стол, есть уже хочу, – зову девочек на кухню.

Пока мы готовили ужин, Кирилл успел несколько раз упасть на улице, разбил колени и порвал новые штаны. Надо ли пересказывать все возмущения Алёны? Поверьте, это

было громко.

И несмотря на ругань подруги на сына, обожаю, когда мы вот так собираемся на даче. Сразу тепло становится на душе. Когда дедушка был жив, сделал открытую беседку, в которой мы летом всегда проводим время. И это добавляет свою романтику.

Пока бабушка поливала огород, я рассказала Алёне про звонок Константина Сергеевича.

— Ну, работа есть работа, Арин. Конечно, место такое себе, но там ставка оплачивается в полтора раза больше. Я бы тоже согласилась. Тем более всего на месяц, – подруга допивает очередной бокал.

— Ну вот и я так подумала, что денег немного подзаработаю. Во всяком случае, я ни разу не слышала, чтобы в колонии этой что-то происходило.

— Да, кстати. Ни менты, ни наши, никто ничего не рассказывал никогда, – соглашается.

— Ладно, съезжу завтра к ним, посмотрю обстановку. Я не из пугливых, после того случая в подвале, мне уже ничего не страшно.

— Ой не вспоминай, травма на всю жизнь, – Алена хмурит брови и встаёт. – Пойдем, а то получим сейчас, что не помогаем.

Глава 3. Арина

Я была около здания колонии в девять пятьдесят. Сегодня пасмурно и дождь льет. От этой серости тюрьма выглядит ещё более убого. Хотя как должно выглядеть такое место? Не курорт же.

— Здравствуйте, мне назначено в десяти к полковнику Дрёмову, – говорю на КПП и протягиваю молодому служащему паспорт.

Он звонит по внутреннему телефону, уточняет. Когда подтвердили, что меня ждут, выдал пропуск и махнул в сторону разбитого крыльца.

На территории чисто, даже цветы посадили в клумбах. Но всё равно энергетика места подавляет.

Внутри меня встречает ещё один сотрудник, при входе тоже что-то вроде КПП. Проверил пропуск, записал мои данные в тетрадь.

— Пойдёмте, провожу вас, – слышу за спиной мужской голос. Поворачиваюсь и натыкаюсь на улыбчивого блондина. Глаза ледяные, на фоне серой пятнистой формы, они прям выделяются. Но взгляд добрый.

— Здравствуйте, спасибо, – улыбаюсь ему.

Мужчина поворачивается и жестом показывает в сторону коридора. Да уж, интерьер здесь кошмарный. Свет тусклый, стены серые и местами сильно обшарпанные. Стоят цветы

вдоль коридора, но они совсем не создают ощущение, что здесь работают люди.

— Меня зовут Женя, я надзиратель, – парень чуть приподнимает кепку на лоб и заглядывает мне в лицо всё также улыбаясь.

— А я Арина, и я врач. Буду заменять вашего, который ушел на больничный.

— Аа, понятно. Да, Денис – это наш второй медик, упал со своего мотоцикла и сломал ногу в двух местах. Работать с такой травмой не может, понятное дело.

Идём дальше по коридору, доходим до тупика, поворачиваем направо. Взгляд падает в сторону другого коридора. Видимо правая часть – это крыло администрации. Коридор, ведущий налево выглядел как в фильмах ужасов. Предугадывая свою удачу, даю сто процентов, что именно там и будет медицинский кабинет.

— Пришли, – Женя кивает на дверь с табличкой «Начальник колонии 157, полковник Дрёмов Иван Николаевич».

Стучу в дверь.

— Да? Проходите!

Открываю, взгляд режет слишком яркое освещение. По сравнению с коридором, ощущение такое, что смотришь на сварку. Кабинет небольшой, длинный стол буквой Т, несколько стульев, шкаф с папками.

Иван Николаевич встаёт, идёт мне на встречу. На вид ему около пятидесяти. Высокий, широкоплечий. Темные корот-

кие волосы, на висках седина. Глаза карие и несмотря на улыбку, взгляд холодный.

— Здравствуйте, Иван Николаевич, – улыбаюсь. Мужчина протягивает мне руку для пожатия. У него горячая сухая ладонь, но этот жест почему-то вселяет мне спокойствие. Жму в ответ.

— Проходи, Арина, – рукой показывает на стул.

Сажусь на предложенное место, мужчина возвращается в свое кресло.

— Константин Сергеевич мой старый друг, поэтому я доверяю ему. Как предложил твою кандидатуру, я сразу согласился. Думаю, что по работе в скорой помощи ты примерно представляешь, какой здесь континент.

— Да, в скорой кого только не бывает в роли пациентов. Ваши клиенты, возможно, даже более приятные.

Иван Николаевич хрипло смеётся.

— Разные бывают, но у нас с дисциплиной всё в порядке. За безопасность можешь не переживать. Женщины работают на кухне, а также один врач у нас женщина. Никаких нападений, всё контролируется.

— Да я и не боюсь, честно говоря. Просто место подавляет своей энергетикой, а так, пациенты – они везде пациенты. У меня нет предубеждений.

Мужчина довольно кивает.

— Я рад, что у тебя такая позиция. Знаю, у тебя график на скорой день ночь и два выходных. Здесь также, два через

два. Одна смена в день, другая в ночь. Денис Владимирович выйдет с больничного примерно через месяц, возможно дней сорок. У него травма тяжёлая после... - запинается, — падения с мотоцикла.

— Пусть лечится сколько нужно.

— Добрая душа ты, Арина, — Иван Николаевич задерживает взгляд на моих губах, потом резко выдыхает и улыбается. — А ещё красивая очень.

Немного впадаю в ступор. Что я должна ответить? И к чему этот комплимент вообще?

— Врач должен быть сострадательным, иначе... он будет только калечить, а не лечить, — говорю, чуть склонив голову к плечу.

Иван Николаевич смотрит пристально и медленно расплывается в улыбке. В глазах тоска и какая-то обречённость.

— Пойдем в медблок. Там Кристина Алексеевна сегодня, как раз всё покажет тебе.

Выходим из кабинета, Женя стоит за дверью оперевшись плечом в стену, смотрит в телефон. Увидя Дрёмова сразу равняется.

— Товарищ полковник, — цедит Женя.

— Ханжин, сейчас в медблок, потом проводи Арину Александровну обратно.

— Так точно, — Женя еле заметно улыбается.

Ну, как я и предполагала, медицинский кабинет находится в том ужасном коридоре. Точнее, через него нужно прой-

ти, потом несколько железных дверей с решетками и замками, и вуаля, медблок.

Выглядит всё очень плохо. Всё разбито, будто была бомбежка. Запах сырости и хлорки. В городе есть старые поликлиники, которые лет тридцать без ремонта, но даже там не так всё печально.

Медицинский блок – это небольшой холл с порванным линолеумом. С двух сторон холл закрыт двойными дверями с замками и решетками. Возле каждого выхода стоит сотрудник. Дверь в сам кабинет открыта, висит красная выцветшая табличка «Медицинский кабинет».

Дрёмов проходит вперёд, его широкие плечи едва не задевают наличник.

— Кристина Алексеевна, доброе утро. Принимай врача в помощь, – Иван Николаевич это сказал, будто приказ.

Захожу следом и ловлю на себе недовольный взгляд. Видимо это и есть Кристина Алексеевна. На вид ей лет сорок, может чуть меньше. Черные волосы собраны в пышную причёску, которая накидывает ей возраст. Длинные нарощенные ресницы, глаза подведены черным карандашом. Губы накрашены красной помадой. Медицинский халат едва прикрывает пятую точку, юбка под ним совсем короткая. И... это чулки?! Она надевает чулки на работу в колонию?!

— Здравствуйте, я Арина, – улыбаюсь.

— Здравсьте, – надменно отвечает женщина. Если бы она ещё щёлкнула жвачкой, я бы не удивилась.

— Кристина Алексеевна, введите в курс дела. Арина Александровна будет на замене Дениса, — Дрёмов смотрит на девушку сверху вниз. Такое чувство, что у них идёт немой диалог, где Иван Николаевич подавляет.

Осматриваюсь. Внутри здесь чуть лучше, чем в холле. Линолеум целый. Кушетка, рядом стоит тумбочка, стол, стул, небольшой шкаф со шприцами и таблетками. На окнах также решетки.

— Госпиталь отдельно или здесь же в блоке? — поворачиваюсь к Дрёмову.

— В соседней двери, рассчитано на двенадцать мест. Если там кто-то лежит, двое надзирателей всегда внутри.

Иван Николаевич хочет что-то добавить, но тишину прерывает грохот открываемой железной двери. Мужские голоса, отборный мат, стоны.

— Тащите его к медику, — доносится из коридора.

Глава 4. Арина

Дрёмов хмурится и резко выходит в холл.

— Что случилось? – спрашивает с яростью в голосе.

Шорох, опять стоны.

— Да вот, пырнули Шмыгу. В бок.

Отхожу от прохода, очевидно, сейчас кого-то приведут.

Проходит секунда, трое надзирателей заносят мужчину.

Практически бросают его на кушетку.

— Еле дотащили, – один из мужчин разгибает спину, снимает кепку и вытирает пот со лба.

Заключённый весь в крови. Держится за левый бок, оттуда хлещет кровь. Действую на автомате. В два шага оказываюсь около раненого, убираю его руки, осторожно поднимаю футболку. Дрёмов срывается ко мне и пытается встать между мной и заключенным.

— Арина, по инструкции ты не можешь приближаться к заключенному слишком близко, – Дрёмов говорит с диким напряжением в голосе.

— У него глубокий порез, возможно даже задеты внутренние органы. Он может умереть, – киваю на раненого, мужчина стонет.

Дрёмов мешается секунду и отходит.

— Потерпите, сейчас станет легче, – смотрю в лицо заключенного. – Нужно обезболивающее и нитка с иглой, – по-

ворачиваюсь назад и вижу, они все просто смотрят. Кристина Алексеевна будто и не собирается оказывать помощь.

Вопросительно поднимаю бровь.

— Из обезболивающих только анальгин в таблетках, – говорит Кристина.

— В смысле только анальгин в таблетках? Больше ничего?

— В прямом, это не то место, где есть всё необходимое для операций, – спокойным голосом отвечает девушка.

Перевожу взгляд на Дрёмова, он молча кивает. Супер. Отлично. Просто прекрасно.

Заключённый стонет и практически хнычет. У меня правая рука в крови, левой лезу в сумку, достаю таблетки, которые пью во время месячных от боли в животе. Они точно сильнее, чем анальгин. Открываю четыре таблетки.

— Подействует не сильно быстро, но все равно немного станет легче, – нажимаю пальцами на скулы раненому, открывает рот и я кладу таблетки. Воды, естественно, тоже нет.

— Дайте перчатки, антисептик, иглу и нитки, – кидаю через плечо Кристине Алексеевне.

Она громко вздыхает и медленно, виляя бедрами идёт к шкафу. Стараюсь сохранять самообладание и не заорать. Держу мужчину за руку, большим пальцем успокаивающе глажу по запястью. Это рефлекс, всегда так делаю тяжёлым пациентам.

Кристина возвращается также медленно, кладет необходимое на тумбочку рядом с кушеткой. Она не принесла пер-

чатки, значит, их тоже нет. Ладно. Снимаю сумку левой рукой, бросаю ее на стул.

— Повернитесь на бок, но не резко, – прошу заключённого и помогаю ему принять удобное положение.

Обрабатываю руки, осматриваю рану ещё раз. Достāju иглу и нить из упаковок, зашиваю. Я не хирург, но проходила хирургические курсы. Однажды мне пришлось вот так же неожиданно зашивать пациента, тогда я действовала интуитивно. А потом пошла на курсы, чтобы смочь нормально зашить, если придется. Ну и как видите, навыки пригодились.

Мужчина потерял много крови, он слаб. Его кровь горячая, липнет к рукам и неприятно засыхает. Чувствую металлический запах и хочется отвернуться, чтобы вдохнуть свежий воздух. Пока зашивала, замечала взгляд раненого на себе. Как и чувствовала спиной взгляды Дрёмова и Кристины Алексеевны. Женя также стоял в дверях и наблюдал. Такое ощущение, что для них это словно развлечение.

Когда закончила, мужчина уже не стонал, но ему было больно. Таблетки начали действовать, но это всё равно не то.

Всё время я стояла буквой Г над пациентом. Естественно, спина затекла от неудобного положения. Руки в крови, надо помыть. Поворачиваюсь назад, вижу ошарашенный взгляд Дрёмова. И какой-то завистливый от Кристины Алексеевны. Могла бы и сама зашить, в чем дело-то?

— Мне нужно помыть руки, – обращаюсь к Ивану Николаевичу.

Он смотрит на мои окровавленные руки, переводит взгляд на лицо. Кивает потеряно.

— Раковина в углу, — показывает в сторону.

Включаю воду, течет только холодная. Мыла нет. Делаю мысленно заметку, принести сюда хотя бы жидкое мыло и полотенца бумажные. Кровь долго не стирается с рук, пальцы начинают неметь от ледяной воды. Слышу шорох за спиной, бросаю взгляд через плечо, Дрёмов стоит практически вплотную ко мне.

— Замёрзла? — спрашивает почти шепотом. Киваю.

— Честно говоря, я... впечатлён, — говорит всё также тихо.

— Чем? — выключаю воду, стряхиваю руки. Поворачиваюсь и практически утыкаюсь лицом в его грудь. От Дрёмова вкусно пахнет свежим одеколоном, однако он слишком близко.

— Тобой, девочка. Никто не успокаивает заключённых и никто... не бросается их спасать. А ты, кажется, ещё не потеряла свою человечность. Это удивляет и восхищает, — Дрёмов наклоняется ко мне, будто хотел поцеловать. Серьезно? Делаю шаг вправо, обхожу мужчину.

Никого в кабинете больше нет, только пациент лежит на кушетке. Он в сознании, что меня радует. Наклоняюсь к нему, смотрю в зрачки — реагируют на свет. Мужчина фокусирует взгляд на мне.

— Как вы? — спрашиваю.

Кажется, мужчина на секунду подвисает. Едва заметно улыбается.

— Хреново, но жив благодаря тебе. Спасибо. Буду должен, – последнее говорит чуть громче.

— Это моя работа, – беру свою сумку, перекидываю через голову, – Выздоровливайте.

Заключённый снова устало улыбается и кивает. Дрёмов всё это время наблюдал за нами.

— Можем идти? – спрашиваю начальника колонии.

— Пойдём.

Выходим в холл, там шепчутся Женя и Кристина Алексеевна. Увидя нас сразу замолчали и пошли к нам навстречу.

— Женя, Шмыгу надо перенести в госпиталь, приставь человека рядом. Кристина Алексеевна, закончите инструктаж, чтобы Арина Александровна знала, что где находится.

На удивление девушка не стала бухтеть, торопливо пошла в соседнюю дверь, где находился госпиталь. Всё такой же убитый интерьер, решетки на окнах, кроме дореволюционных кроватей ничего нет. Не знаю, почему меня это всё удивляет?

Инструктаж прошел довольно быстро, потому что в целом у них ничего нет. Ни медикаментов нормальных, ни инструментов. Как оказывать помощь в случае чего-то серьезного, не представляю. Но деваться некуда, будем разбираться по ходу дела.

Глава 5. Тимур

Просыпаюсь за час до подъёма. Смотрю в зелёную обшарпанную стену, знаю каждую трещину. Поворачиваюсь на бок, поднимаю взгляд на маленькое решетчатое окно под потолком. Солнце уже встало. Наверняка на улице ещё прохладно, но через пару часов будет жара. Как и здесь.

Сегодня меня в очередной раз попытаются убрать. Донесли братки. Шмыга два дня назад поймал перо в бок вместо меня. Жив, собака. Но глубоко пырнули. Твари. Думают, что сейчас я ослабил хватку, но нет. Знаю, что они ждут удобного момента, чтобы мне потушить свет. Не получится.

Здесь свои правила, свои порядки, если молодняк не хочет им следовать, нужно наказывать. Иначе все по беспределу жить начнут. И если на воле ещё можно как-то разрулить, то здесь только по понятиям. Вот и пытаются щенки убрать меня, потому что не позволяю анархию устраивать. Не даю им наркоту здесь разводить. Нехрен этим заниматься ни здесь, ни за забором.

Мудака, который Шмыгу ранил, я придушил сразу. Голыми руками. Не жалею. Или ты или тебя. Я всегда выбираю первое, иначе бы не заработал свой авторитет.

После подъёма и туалета идём на завтрак в столовую. Конвой сегодня долбанутый, ненавижу Ханжина. Самый душный из всех. Выпендривается до тех пор, пока в нос не по-

лучит. Но после замеса с врачом совсем притих. Думал, что они неприкосновенные, но я раздал пинков, ибо правила здесь устанавливаю я.

Завтрак проходит напряжённо, но тихо. Вижу косые взгляды молодняка, не реагирую. После того как я завалил Шустрого, они стали ещё злее. Готовятся нападать как стая шакалов. Хорошо, я готов. Братки мои тоже на стрёме.

— На выход, — командует Ханжин.

Встаём молча. Надзиратель удивляется и чутка теряется. Не ожидал прогиб? Отлично. Думал, что начну быковать, но нет. Сегодня танец начинаю не я.

Выходим из столовой, девятнадцать шагов до поворота. Сжимаю кулаки. Шаг. Ещё. Последний.

Удар в лицо. Чувствую кровь течет из брови, заливает глаз. Сука. Бью в ответ. Трое на одного? Похрен. Главное не упасть.

Ханжин стоит сзади и наблюдает за представлением. Ну, кто бы сомневался.

Хватаю одного за шею, толкаю в стену. Он больно ударяется затылком, падает держась за голову. Второй в этот момент толкает меня в спину, третий достает заточку. Бью второго локтем в нос, отшатывается назад. Третий нападает сбоку, успеваю перехватить руку и сломать кисть, орёт.

— Успокоились! Вы чё! — слышу голос Дамира, напарника Ханжина. Нормальный мужик, без понтов. Как работает с этим ублюдком, не представляю.

— Да нормально всё, Дамир, не кипишуй, — довольно хмыкает Ханжин.

— Какой нормально? В прошлый раз тоже нормально было у тебя, в итоге один жмурик, — Дамир подходит ближе, выставляет руку вперёд, — Абай, давай без глупостей. Пошли в медпункт, рожу всю разворотили тебе.

Смотрю на молодняк, глаза отводят. Никто не любит проигрывать. А мне проигрывать, тем более.

Киваю Дамиру. Смотрю на свою футболку, вся в крови, видимо хорошо рассекли.

Идём по коридору, Дамир шагает рядом. Отворачиваюсь к стене, пока он открывает одни двери, другие закрывает. В коридоре тускло, воняет сыростью. На улице лают собаки.

Доходим до медблока, тормозит меня у двери.

— Лицом к стене, — просит. Заглядывает в кабинет, снимает кепку, поправляет волосы. Это еще что такое?

— Арина, привет, — слышу, улыбается, — Я привел заключённого, посмотри, пожалуйста.

Пожалуйста? Халилов, ты чё?

— Конечно, заводи, — отвечает женский голос.

Дамир хлопает меня по плечу, показывает рукой на дверь. Чувствую, башка начинает гудеть, хорошо приложили меня. Захожу в кабинет и натыкаюсь на голубые глаза.

Дыхание перехватывает. Во рту сухо. Как ты здесь оказалась, красивая? Я знал, что на замену Денису взяли дока, но никто не говорил, что она... такая.

— Садитесь на кушетку, – говорит девочка. Поворачивается боком к столу, надевает перчатки.

Сажусь, широко расставляю ноги. В промежности все моментально реагирует на эту сладость в белом халате. Красивая, ты хоть знаешь, как опасно быть такой притягательной?

Дамир остаётся в дверях, всё по инструкции. На меня пофиг, он также рассматривает Арина. Да уж, с Кристиной она не сравнится. Сразу видно, чистая девочка. Кристина же забавлялась и с заключёнными, и с администрацией. Она с удовольствием прыгала к одному, или сразу к двум. Всегда готовая была. Мужики ходили в госпиталь не для того, чтобы помощь медицинскую получить. А приходили справить нужду, потому что Кристина всегда всех радостно принимала.

Арина встаёт между моих ног, осматривает лицо. Хмурит бровки. А я залипаю на ее нежные черты лица. Светлые волосы, убраны в хвост. Голубые глаза, черные густые ресницы. Немного курносый носик и пухлые губки. Халат застегнут на все пуговицы, но ткань просвечивает белую футболку. Девочка худенькая, но фигуристая.

Сквозь медицинские перчатки чувствую тепло ее рук. От этой близости в паху тяжелеет, даже разбитая морда не отвлекает своей болью.

— Бровь нужно зашить, – придерживает мой подбородок и осматривает другие ссадины на лице. Всё что угодно, милая. – Голова не кружится?

Если скажу – нет, то зашьет и отправит в камеру. Но если

сказать – да, оставит в госпитале. И тогда я смогу пощупать девочку уже сегодня.

Глава 6. Тимур

— Кружится. И в глазах немного темнеет, – нагло вру.

Арина вздыхает. Отходит к шкафу, что-то достает, а я смотрю на нее сзади. Джинсы, кроссовки. Халат до середины бедра, немного обтягивает попку. Ещё немного и у меня потекут слюни как у бешеной собаки.

В тюрьме нет проблем с девками. Один звонок и тебе привезут любую. Одну, две или три. Сколько хочешь. Никто никогда с этим не спорил, потому что на голодном пайке у меня сносило крышу. И я ввязывался в драки, чтобы как-то унять ярость. А когда у тебя определенный авторитет, то подобные выходки подталкивают других устраивать беспредел. Так мы и договорились с Дрёмовым: он привозит мне баб для секса в любое время, а я держу порядок на зоне. И я только три дня назад вышел с длительного свидания, натрахался на неделю вперёд. Но смотрю на Арину и понимаю, что между ног всё так же тяжело.

— Посмотрите на меня, – Арина заглядывает мне в лицо. Эти голубые глаза – чистые озёра. Невинный добрый взгляд. Как бы она смотрела на меня стоя на коленях?

— Скорее всего ушиб. Сейчас зашью бровь, обработаю ссадины и оставлю вас в госпитале. Утром посмотрим, как будете чувствовать себя, – девочка говорит это и краснеет.

Уф. Смущается? Меня? Приятно. Бабы со мной краснели,

только когда давились моим размером. А эта...

Арина начинает обрабатывать раны. Действует профессионально, не мешкается. Большой опыт? Откуда? Так-то молоденькая совсем.

Чем ближе ко мне наклоняется, тем я труднее сдерживаюсь, чтобы не прикоснуться к ней. От девочки свежий сладковатый аромат, но это точно не духи. Ее естественный запах. Конечно. Она же не шмара, чтобы поливаться всякой хернёй. Вдыхаю глубже ее запах и дурею. Руки сами тянутся, осторожно приобнимаю девочку за ногу. Арина мигом замирает.

— Тшшш, не бойся меня, – говорю шепотом, чтобы Дамир не услышал. Он стоит спиной к нам и разговаривает с Ханжиным. Похрен уже на инструктаж.

— Уберите руку, пожалуйста. Иначе я скажу надзирателю, – смотрит строго. А у меня от этого взгляда всё в узел завязывается.

— Не бойся, не обижу, – чуть поворачиваю голову и касаюсь носом ее запястья. Вдыхаю. Ну как же ты пахнешь, красивая.

Арина внимательно следит за мной и заливается краской. Хмыкаю довольно. Ты попала, девочка.

— Мне... нужно зашить и обработать. Сидите спокойно, пожалуйста. Я быстро закончу.

— Не торопись, у нас полно времени.

Убираю руки, не буду её нервировать. А то без глаза ещё

оставит. Арина действительно быстро справляется. Осторожно, аккуратно, но со знанием дела и без страха. Смелая девочка.

Жру каждое её движение, запоминаю. Такая хрупкая. И такая манящая. Есть у нее парень или муж? Кольца нет. Неважно, она уже моя. Кто бы там ни был, заберу. Надо братькам на воле шепнуть, чтобы справки навели на нее. Хочу всё знать. Под моим присмотром теперь будет. И здесь, и там. Везде. Вся моя теперь.

— Ну что, гнида, легко отделался? – Ханжин смотрит на меня с блеском в глазах. Лыбу давит, а взгляд полный ненависти.

Арина видимо не привыкла к такому базару, потому что девочка перевела недоуменный и растерянный взгляд на Ханжина. Да, милая, такое дерьмо здесь работает.

— Я оставлю Абаева в госпитале до утра. У него сильный ушиб головы, надо понаблюдать за состоянием, – Арина говорит это с такой интонацией будто... защищает?

Ханжин улыбается ещё шире. Только уже не мне, а девочке. Неприятное чувство зарождается в груди. Ревность. Какого он на нее смотрит и улыбается? Давно в бубен не получал?

— Вот, значит, как, – хмыкает. – Как скажешь, доктор, пусть больной живёт. До утра.

Ханжин смотрит на меня с вызовом. Но я молча сижу, никакой реакции. Могу в морду дать, но при Арине не хочу это

делать, испугается. А не надо, чтобы она боялась меня.

— Ханжин, ты какого хера исполняешь? – в дверях появляется Дрёмов. Ханжин моментально вытягивается, руки по бокам.

— Иван Николаевич, да мы тут Абаева в госпиталь определили. Помяли его чутка, – рапортует.

Дрёмов заходит в кабинет, мажет по мне взглядом и утыкается в Арину. Смотрит на нее дольше, чем надо.

— Всё нормально? – спрашивает девочку.

Не понял.

Арина молча кивает и отходит к раковине. Дрёмов провожает ее взглядом, не отпускает. Старый, ты что делаешь?

— Абай, веди себя нормально. Двоих приставлю к тебе. А будешь чудить – отправлю в карцер.

Скалюсь. Дрёмову только дай волю, посадил бы меня в карцер до последнего дня отсидки. Но знает, что как только я там окажусь, братки мои начнут бучу поднимать. Не рискует. Силы не равны.

— Иван Николаевич, можете переводить больного в госпиталь, я зашила его, – девочка моя прячется за спиной начальника. Бойтся меня? Но Дрёмов ведь не спасет. От меня. Да и вообще.

Он поворачивается к ней лицом и молчит. Правая рука чуть приподнимается, но сразу опускает. Кулаки сжимает. Она ему нравится? Хочет прикоснуться? Зря, я ведь за это убью.

Глава 7. Дрёмов

Арина смотрит на меня своими небесными глазами. Какая же красивая. Светлая прядь выбилась из прически, рука сама тянется убрать. Но я держусь. Нельзя. Ещё рано. Испугается.

Стою спиной к Абаю, самому дикому и опасному заключённому в этой колонии. Убьет и глазом не моргнет. Но я не хочу, чтобы он смотрел на нее. А я видел, что разглядывает. Ну ещё бы. Действую не по инструкции, хотя каждое утро на совещании вдалбливаю это в голову своим сотрудникам.

— Ханжин, проводи Абаева в госпиталь. Халилова и Сизова приставь, – отдаю приказ не поворачиваясь.

— Есть, – отзывается Ханжин, – Вставай, убудок.

Арина смотрит себе под ноги, на слова Ханжина хмурится. Нежная девочка, совсем не привыкшая к таким обращениям. Но здесь по-другому нельзя.

Когда Ханжин уводит Абая, в кабинете становится будто больше воздуха. Вдыхаю ее аромат глубже. Какая же...

— Арина, я вчера потянул плечо. Болит. Намажешь мазь? Сам не достаю, – улыбаюсь. Обманывать нехорошо, но по-другому она не пойдет на контакт.

— Конечно, – поднимает свои чарующие глаза. – Посмотрю, что есть в аптечке, – хочет обойти, но я ловлю ее за руку. Провожу большим пальцем по запястью. Какая тонкая кожа.

Арина останавливается, напрягается. Смотрит испуганно.

Бойтся меня? А с Абаем держалась стойко. Я такой страшный? Страшнее, чем он? Отпускаю.

— Не надо, я купил мазь, вот, — достаю тюбик из кармана.

— Хорошо, — Арина краснеет и делает шаг в сторону. — Снимите рубашку.

Сначала снимаю китель, бросаю на кушетку сзади. Расстегиваю пуговицы рубашки, прежде чем снять, поворачиваюсь спиной. Пусть посмотрит. Я слежу за собой, постоянно хожу в зал, поддерживаю форму. И знаю, что мое тело хорошо выглядит. Привлекательно.

— Левое плечо, — сажусь на кушетку.

Арина надевает перчатку на правую руку, выдавливает мазь. Перетирает в руках, согревает. Подходит, но не смотрит в глаза.

Надела перчатки, чтобы не касаться меня? А Шмыгу зашивала голыми руками. Трогала отброса своей кожей и не боялась. А сейчас надела перчатку. Я настолько противен?

— Где болит?

Показываю рукой место несуществующей боли. Девочка наклоняется, начинает аккуратно втирать лекарство. Приятно. Потому что это делает она. В каждом движении сплошная нежность и осторожность.

Пока Арина мажет плечо, я беру ее левую руку. Она пытается одернуть, но я усиливаю хватку и подношу запястье к губам. Пахнет так сладко. Оставляю лёгкий поцелуй. Арина хочет сделать шаг назад и я позволяю.

— Спасибо, теперь точно пройдет, – улыбаюсь.

— Иван Николаевич, не нарушайте границы, – смотрит серьезно.

Какие ещё границы? Встаю и подхожу к ней. Между нами меньше сантиметра. Хочу обнять ее, прижать к себе. Но кажется, девочка этого не хочет.

— О каких границах речь, Арина? Я тебя напугал?

— Не напугали. Но это не значит, что нужно прикасаться. Я на работе. И вы тоже. И за пределами этого здания мы тоже только коллеги, – смотрит прямо в глаза.

Только коллеги? Вот как.

— Обращайся ко мне по имени. И на «ты», – прошу. В кабинете прохладно, я стою раздетый и с мазью на плече. Но не чувствую свежесть, только жар. Арина вынуждает гореть.

— Нет. Вы мой начальник, старше по должности, званию. И по возрасту. Это... неправильно, – последнее говорит тише.

Мне хочется заорать.

— Арина, – кладу ладони на ее плечи. Какая хрупкая. – Мои намёки непонятны? Ты нравишься мне, безумно. Как увидел тебя три дня назад, так с ума сошел, как мальчишка, – хмыкаю.

Девочка смотрит на меня с удивлением и ужасом. Не ожидала? Я слишком рано открылся? А чего ждать-то? И сколько? Нет времени, я хочу ее сейчас.

— Иван Николаевич, – Арина убирает мои руки, но я пе-

рехватываю ее. Одной рукой обнимаю за талию, вторую кладу на затылок.

— Не отталкивай, просто дай мне, — дыхание перехватывает. — Немного себя. И я подарю тебе всё, что ты захочешь.

Не могу сдержаться, целую приоткрытые губы. Сладкая, без помады, без примесей. Такая нежная. Арина на секунду подвисает, но не отвечает на поцелуй. Ничего, я сделаю все сам. Девочка толкает меня в грудь, сильно. Не ожидаю, чуть теряю ориентир. И тут мне прилетает смачная пощёчина.

Останавливаюсь. Дышу тяжело. Арина... почти плачет. Глаза на мокром месте, щеки красные.

Черт. Я забылся. Я сделал что-то непоправимое? Но я ведь просто поцеловал. Хотел, чтобы она поняла мои намерения и приняла их. *Выбрала меня.*

— Арина, — тяну руки к ней. Девочка делает шаг назад, упирается в стену. От осознания, что некуда бежать, ее глаза становятся ещё безумнее. Какого хрена.

— Арина, — повторяю чуть спокойнее, убираю руки. — Прости меня. Я... видимо слишком поторопился. Не хотел тебя напугать, я не такой. Я просто...

Замолкаю. Арина отворачивает голову и я вижу слёзы. Одна капля, вторая. Она плачет. Из-за меня.

Глава 8. Арина

Дрёмов одевается и выходит. Только дверь за ним закрывается, я сажусь на стул и срываюсь на рыдания.

С чего он решил, что я захочу целоваться? С ним?!

Стараюсь дышать глубоко, нужно успокоиться. Паника ни к чему. Ко мне не первый раз пристают. На скорой всякое было. Но тут... неожиданно. Я правда не ожидала таких действий именно от этого человека. Он казался не таким. Вроде правильный, безопасный, но... Но.

Умываю лицо холодной водой. Немного приводит в чувство. Нужно идти в госпиталь, посмотреть пациента, которого я зашивала три дня назад. Встряхиваю руки в раковину, достаю зеркало из сумки. Глаза красные, губы припухшие. Всё равно хочется плакать, но сейчас нельзя. Нужно работать.

Вздыхаю. Всё хорошо.

Выхожу в медблок, от сквозняка мурашки бегут по коже. В коридоре сильно пахнет сыростью и затхлостью. В блоке у окна стоит дневальный, уткнулся в телефон. Поднял глаза на меня и сразу опустил. Видимо убедился, что я одна и можно не следить.

Захожу в госпиталь. Два надзирателя сидят у входа, играют в шашки на телефоне. На заключённых ноль внимания. А вдруг что?

Абаев лежит на койке, одну ногу согнул в колене. О чем-то тихо переговаривается с женщиной, которого я зашивала. Оба заметили меня, замолчали. Абай привстал на локтях, смотрит пристально. Глаз затек, но это не мешает его волчьему взгляду оставаться таким же опасным и... возбуждающим. Когда он нюхал мое запястье, я чуть не кончила. Это было что-то животное. Что-то такое, что сложно объяснить, но очень хорошо почувствовать.

— Здравствуйте, как вы себя чувствуете? – спрашиваю у Шмыги. Мужчина внимательно смотрит на меня. Да, я заплаканная, ну и что?

— Нормально, – сухо отвечает и переворачивается на бок лицом ко мне.

Подхожу к Шмыге ближе, вижу испарину на лбу. Кладу руку и понимаю, что он горит.

— У вас температура, – отхожу к шкафу, ищу градусник. Стараюсь не думать об отсутствии нормальных медикаментов. Да, это тюрьма, но всё же. Люди и так несут наказание, зачем издеваться?

Встряхиваю градусник, отдаю мужчине, чтобы вставил в подмышку.

— Я посмотрю шов?

Шмыга на секунду вопросительно вскидывает бровь, затем кивает.

Поднимаю майку и вижу, что никто не менял повязку эти дни. Мысленно матерюсь, ну как же так? Убираю бинты, шов

воспалется потихоньку. Чувствую спиной взгляд Абаева. Кажется, ещё немного и меня будто ударит током. Но выдерживаю напряжение, не показываю слабость и не поворачиваюсь к нему.

— Шов воспалился. Сейчас обработаю и поменяю повязку. Температура, скорее всего, из-за этого. Что-то беспокоит кроме раны?

— Нет, в остальном порядок, – мужчина старается показать непринуждённый вид, но лицо искажает гримаса боли.

Снимаю старые бинты, они уже наполовину рассыпались. Обрабатываю шов, мужчина шипит.

— Это была вынужденная мера. Извините, – тянусь за новым бинтом, но мою руку перехватывает Абай. Не заметила, как он встал с койки и подошёл со спины. Пульс сразу бешеный. Он берет новую пачку бинта, открывает и передает мне. Наши руки соприкасаются. Его пальцы горячие и сухие. Ладонь покалывает от ощущения его кожи. Нужно одёрнуть руку, но я не хочу. Его чувствовать... приятно. И снова это проклятое возбуждение.

— Тимур, сядь на место, – один из надзирателей встал. Взгляд встревоженный.

Абаев остается за моей спиной. Не вижу его глаза, но замечаю, как меняется выражение лица надзирателя. Молчаливый бой. Чувствую, Тимур прикасается ладонью к моей спине. Его рука – кипяток, я чувствую слово ожог. Боже...

— Абай, – надзиратель предупреждает ещё раз и кладет

руку на кобуру.

Слышу, как Тимур хмыкает и отходит. Странно, но чувствую холод. Он отошёл и сразу холодно. Арина, что с тобой происходит?

Накладываю повязку, стараюсь не задевать шов, не делать больно. Шмыга лежит спокойно, терпит. Достая градусник.

— Высокая, тридцать девять, – говорю мужчине. Он кивает, ничего не отвечает. По его виску стекает пот. Иду к шкафу, там ничего нет снимающего жар. Но в сумке у меня было несколько пакетиков Нимесила.

Иду в кабинет, достаю лекарство. Питьевой воды нет, чтобы развести. Из крана налить не рискну, отравится ещё. Мою руки. Выливаю из своей бутылки почти всю воду, развожу в ней лекарство. Возвращаюсь в госпиталь, трясую бутылку и протягиваю мужчине.

— Выпейте, это Нимесил. Другого ничего нет, да и это разводить не в чем было. Но вам станет легче.

Шмыга опять подвисает. Не привык, что в больнице оказывают помощь?

Мужчина приподнимается, выпивает всё, отдает мне обратно бутылку.

— Спасибо, – говорит как-то стесняясь.

— Не за что. Поправляйтесь.

Хочу развернуться и пойти в кабинет, но меня резко дёргают назад. Не успеваю вскрикнуть, Тимур закрывает рот своей ладонью.

Глава 9. Арина

Чувствую попой его возбуждение, и сама от этого ощущаю тяжесть внизу живота. Мне стыдно. Но да, опасный заключённый, который вероятнее всего кровожадный убийца, заводит меня очень сильно. Я больна? Определенно. Но игнорировать это ощущение не могу. И признаться себе в этих чувствах... страшно.

— Тихо, девочка, – шепчет в ухо и проводит носом по виску. – Осмотри меня, – резко отодвигается и садится на койку.

Адреналин бьет в голову, сердце, кровь и низ живота. Надзиратели сидят, уткнувшись в телефон и даже не заметили ничего. Вот так нападут, убьют, а им не до этого.

Поворачиваюсь к Тимуру лицом, нервно облизываю сухие губы. Он это замечает и обзывает свои. Почему это выглядит так горячо? Господи, Арина, он заключённый. И сидит здесь не просто так. Прекрати это чувствовать!

Встаю между ног Тимура, стараюсь сосредоточиться на его ранах. Все нормально, шов на брови не разошелся.

— С вашими ссадинами всё в порядке, как и со швом. Что-то болит? – смотрю на него сверху вниз.

Если не думать, что Абаев зэк и что мы находимся в тюрьме, то внешне он очень красивый. Не слащавый. У него грубая мужская красота. Глаза – кофейные зерна. Взгляд дерз-

кий, с вызовом. Густые черные брови и ресницы. Нос горбинкой и пухлые губы. Небритость добавляет ему опасности. А шрамы, ссадины и татуировки на руках четко дают понять из какого он мира.

— Ты плакала, — утверждает, игнорируя мой вопрос.

— К вашему лечению это не относится.

Тимур щурится и смотрит так, будто пытается разгадать загадку.

— Дрёмов тебя обидел?

При упоминании этой фамилии, я чувствую, что слезы опять подступают. Нет-нет, сейчас нельзя. Но не успеваю переключить внимание, как Тимур касается моей щеки. Заглядывает в лицо. Слишком нежное прикосновение, приятное. Не хочу плакать, но слезы сами катятся. Отворачиваю голову, но Тимур не позволяет.

— Арина, — собирает большим пальцем мои слезы, подносит в своим губам и слизывает, — Расскажи мне.

— Нечего рассказывать, — вытираю глаза тыльной стороной ладони. — И это вас не касается, правда.

— Девочка, если он к тебе прикоснулся, я сломаю ему руки, потом отрежу язык и член. И заставлю его это сожрать. Я здесь хозяин, — Тимур говорит так спокойно, будто всё в порядке вещей.

Я не знаю, что ответить. Я не хочу ничего рассказывать. Я хочу... чтобы он обнял меня. И поцеловал. Но здравый смысл бьётся в дикой истерике, ведь этот человек опасен.

— Тимур, *пожалуйста*, – прошу его сама не понимая о чем.

Мужчина напрягается.

— Скажи ещё раз. Имя мое, скажи, – глаза потемнели, ноздри раздуваются.

— Тимур, вы... – не успеваю договорить, мужчина подносит мою руку к своим губам, проводит языком по костяшкам.

— Я буду целовать каждый миллиметр твоего тела, – целует пальцы. – Только я, Арина. Только я и больше никто.

Это всё так грязно и пошло. И вообще не укладывается в голове. Но с Тимуром даже это кажется приемлемым, в отличие от поцелуя Дрёмова. С Иваном Николаевичем *даже* поцелуй – это что-то аморальное.

— Арина Александровна, всё нормально? – слышу за спиной голос одного из надзирателей.

— Да, шов немного разошелся, – отвечаю, не поворачивая головы.

— Перестаньте. Тимур, это плохо закончится, – пытаюсь вразумить мужчину. Он все ещё держит мою руку возле своих губ, целует ладонь, костяшки, нюхает запястье.

— Всё только начинается, девочка моя, – довольно хмыкает и отпускает.

Поворачиваюсь, натыкаюсь на взгляд Шмыги. Краснею за секунду. Мужчина лишь улыбается краем губ. Он все видел? Но наверняка все слышал. Какой ужас. Быстрым шагом вы-

хожу из госпиталя и иду в туалет. Дверь в уборную находится в этом же блоке. Здесь также пахнет плесенью и сыростью. Закрываю на щеколду дверь в кабинке и прикрываю глаза.

Внизу живота чёртово возбуждение. Чувствую, как мокрая ткань неприятно прилипает. Хочу избавиться от этого напряжения. И делаю то, что не думала смогу когда-то сделать в таком месте.

Расстегиваю халат, затем джинсы, чуть приспускаю их вместе с бельем. Подношу ладонь, которую целовал Тимур, к носу, и начинаю водить другой рукой внизу. Плевать на гигиену совершенно, это какая-то необузданная нужда, которую я не могу контролировать. Нюхаю ладонь и чувствую *егозапах*. Опасного мужчины, которого нельзя хотеть. Но невозможно. Невозможно игнорировать это влечение. Представляю, что он стоит здесь. Такой большой, сильный. Смотрит с прищуром и касается. Сам касается меня там. Боже... Оргазм практически глушит. В глазах пляшут звёзды, ноги дрожат, уши заложило. Упираюсь спиной в стену. Дыхание сбивается.

Вроде это был порыв физиологии. Но чувствую себя такой грязной. И не понимаю почему.

Тимур... это что-то запредельное.

Глава 10. Тимур

Смотрю на Шмыгу, тяжело ему. Надеюсь, не откинется. У нас ещё столько дел. Нельзя, брат. Рано ещё.

— Девка нормально тебя приложила, – Шмыга говорит тихо не открывая глаз.

— Не девка. Претендуешь? – подрываюсь.

Саня смеётся и сразу от боли корчится.

— Мне нравятся девочки в теле. Эта слишком худая, – скалится.

Не худая, стройная. И всё при ней, нормально.

— Зарёванная была. Меня увели, они остались с Дрёмовым. Никаких криков не было. Но пришла разбитая, – говорю смотря в облезлый потолок.

— Дрёмов положил на нее глаз. Когда она меня зашивала, он чуть в штаны не слил. Смотрел на нее, будто бабу никогда не видел. И потом зажимал у раковины. Но врачиха не далась.

Сжимаю кулаки. У меня от этих слов темнеет в глазах. Он всё-таки зажимал её? Бессмертный. Она плакала, потому что он хотел ее взять? Сам в карцер пойду, но его накажу. Моё нельзя трогать. В сторону Арины даже дышать непозволительно.

— Но вообще девка, – Шмыга запинается. – Девочка бойкая. Начала меня зашивать сразу, таблетки обезбола свои да-

ла. Без перчаток всё делала и не стремалась. Кристина сука, стояла смотрела, а Арина сразу включилась, — добавляет.

— Надо попросить Мишаню справки на нее навести, но это через неделю будет только, — у самого от мысли, что ждать долго, всё выворачивает. Надо что-то придумать. Но в тюрьме связь с внешним миром можно наладить только через администрацию. Сегодня на смене Дамир, можно попробовать узнать у него. А если откажет, буду искать другой вариант.

Надзиратели заступают на сутки. Сейчас у них обед, после него Ханжин идёт отдыхать. Значит, Дамир останется здесь один и можно побазарить.

Проходит часа полтора, Ханжин и Сизов уходят, Халилов заступает вместо них. Один. Отлично.

Шмыга спит, лоб мокрый, хмурится во сне. Пару дней ещё точно будет в напряге.

Лежу, смотрю на Дамира. Он сидит на стуле сгорбившись, в телефоне играет. Тихо встаю, делаю несколько шагов. Он поднимает взгляд, напрягается, но не кладет руку на пистолет. Дамир знает правила, уважает мой авторитет. И я уважаю его в ответ. Он не борзее, я не создаю ему проблем.

— Чего тебе?

— Побазарить надо, — сажусь на кушетку рядом с ним.

Дамир снимает кепку, чешет затылок. Волосы слиплись из-за жары, на лбу красные пятна.

— Молодняк, который тебя зажмурить хотел, в карцер

определили. На неделю. Потом видно будет. Но я тебя не пу-
щу к ним, — упирается головой в стену и смотрит потухшим
взглядом.

— Я не об этом. Расскажи про новую врачиху. Кто она,
что, откуда.

Дамир лыбится.

— Поздно, Тимур. Николаич её заприметил. Дал всем
указание стеречь ее, иначе кабзда. Выговор, несоответствие,
увольнение.

Стараюсь сохранять самообладание. Сжимаю зубы до бо-
ли. Иван Николаевич, ты видимо совсем попутал.

— Арина моя, Дамир. Никакая сила этого не изменит.
Она пришла после него в слезах, какого хера произошло? Он
прикасался к ней?

Халилов молчит пару минут, будто решает в мыслях го-
ворить или нет.

— Романов сказал, слышал их разговор в кабинете. Он
был на посту в медблоке. Я так понял, Дрёмов целоваться к
ней полез, а она ему влепила пощёчину. Он начал оправды-
ваться, а та расплакалась. Хорошая девушка она. Здесь сло-
мают. Да и Кристина на неё уже зуб точит. Дрёмов зависает
рядом с Ариной, а на эту внимание не обращает.

Значит, Дрёмов хотел целовать мою девочку. Напугал ее,
урод. Но я накажу. Просто так это не оставлю.

— Откуда она?

— На скорой работает. Кто-то из друзей Дрёмова посове-

товал. Она будет здесь, пока Денис не оклемается. Наверное, месяц. Не замужем, детей нет. Бабушка вроде только.

— А родители?

— Нет родителей. Ханжин тоже интересовался ею. Абай, только давай без глупостей, ладно? Я не хочу рисковать своей жопой – это, во-первых. А во-вторых, если тебя грохнут, здесь случится звездец. Поэтому сиди тихо. Тебе недолго осталось, освободишься и решаешь вопросы с Ариной. А начнёшь бузить, она тоже пострадает.

Дамир смотрит серьезно. Дерьмо. Он прав. Мне осталось два месяца отсидки. И нельзя сильно отсвечивать, иначе добавят срок. Надо выйти и брать девочку в оборот. Но за эти два месяца Дрёмов может... Не хочу даже думать, что он может. Не позволю.

— Дамир, мне нужно, чтобы ты приглядывал за Ариной там, где я не могу. В долгу не останусь, ты знаешь. Дрёмов не должен к ней приближаться, иначе я пойду по сто пятой.

Халилов вздыхает.

— Как ты себе это представляешь? Ходить за ней по пятам? Она здесь по сменам. Сегодня в день, завтра в ночь. Кристина ее меняет.

— Говори мне обо всех мутках вокруг нее. Постараюсь не наворотить дел, но Дрёмову обозначу позицию.

— Тимур, вы не равны, понимаешь? Ни в чем не равны. Он тебя сбегрит в карцер и всё.

— Похрен, зато рожу ему набыю.

— Я тебя предупредил. Иди на койку свою, не привлекай внимание. Дрёмов тут ошивается.

Сука. Ладно. Иду к койке и ложусь. Смотрю в потолок. Только сейчас замечаю, что голова гудит. Надо поспать, пока есть возможность. Пока Дамир здесь, можно немного расслабиться.

Только проваливаюсь в сон, слышу тихие шаги. Точно не надзиратели. Арина моя. Сама пришла.

Глава 11. Тимур

Открываю глаза, медленно поворачиваюсь к Арине. Она будит Шмыгу, даёт ему что-то выпить. Воркует с ним практически.

Саня мой друг. Мой брат. И он бы никогда не зашёл на мою территорию. Но то, что Арина прикасается к нему... это злит. И бесит. И выводит из себя. Меня одного должна трогать.

Но головой понимаю, что она врач и это ее работа. Иначе зачем она здесь нужна. Я бы, конечно, нашел ей другое применение, но это позже.

Смотрю на девочку со спины. Мысли сразу утекают в пах, но нельзя сейчас давить на нее. После Дрёмова она точно будет дёргаться. Надо быть безопасным. Чтобы сама в руки шла.

Арина поворачивается ко мне, глаза грустные. Дрёмов, ты будешь умирать больно и медленно. За то, что девочку мою посмел своим грязным ртом тронуть.

— Как самочувствие? – спрашивает.

— Тебя вижу и сразу так хорошо становится, – хмыкаю.

Арина шутку не оценила, нахмурилась. Я же безобидно. Но ради нее готов быть совсем паинькой.

— Тимур, я серьезно спрашиваю. Как голова, кружится ещё? Не тошнит?

— Нормально всё, доктор. А ты как?

Арина открывает рот, чтобы что-то сказать, но осекается. Опять хмурится. Думает, сказать правду или соврать?

— Нормально, – неискренне улыбается и уходит.

Нихера не нормально. Перепугалась, теперь отходняк ловит. Ну ничего, Дрёмов свое получит.

Вечером Арина ещё раз зашла нас проверить. Бросила мимолётный взгляд на меня и ушла.

Шмыге становится вроде лучше. Даже поел. До этого вообще трупом лежал. Но Арина ему дала наставления, а он как мудак слушал её и кивал. Ужин ему принесли в госпиталь.

Меня же Дамир повёл в столовую. Молодняк скалится, выжидают снова.

— Тимур, спокойно и без глупостей, – предупреждает Дамир.

Киваю. Сейчас нельзя давать повод. Никакой. Никому. Но и нельзя спускать на тормоза неуважение. Иначе начнется беспредел.

Сажусь за стол, здороваюсь с мужиками. Рассказывают, как дела у блатных. Слушаю в одно ухо. Замечаю, Ханжин трётся с Моржом, одним из авторитетов у молодняка. Хреново. Что-то мутят, к бабке не ходи. Морж получил погоняло из-за того, что зимой всегда ныряет в прорубь. Неважно сколько градусов на улице и в каком он состоянии. Ну и

вообще он отморозок, первый из беспредельщиков. С ним потому и считаются, никогда не знаешь, что выкинет. А это очень выгодно такому как Ханжин. Потому что он пытается запрещенку пронести на зону, бабки зарабатывать хочет на этих пацанах. Связался с кем-то на воле, пообещал каналы наладить, а в итоге хер. Дрёмов сразу отказал. Он хоть и гнида, но с нормальными понятиями. Мог бы миллионером уже быть на этих делах, но не изменяет принципам.

Ханжин думает, что никто не знает, что он палыцы вее-ром ломит перед своей крышей. Обещаниями их кормит. Но там ведь тоже не дураки, прекрасно понимают, что он налажал. А за такое и спросить могут. Теперь держат Женю за яйца очень опасные люди, с которыми никогда не стоит дела иметь. И он ищет варианты, чтобы как-то петлю с шеи снять. Но не выйдет. Дрёмов не даст и я не дам. Не бывать наркотикам здесь.

— Абай, давай выздоравливай. Без тебя вообще от рук отобьются, – Серый кивает в сторону молодняка.

— Да, у них с Ханжиным какие-то мутки. С Моржом чуть ли не курят вместе, – подключается Дизель.

— Нормально всё, мужики. Всё под контролем, – встаю. Тарелку оставляю, Серый отнесет на мойку.

Дамир провожает до госпиталя. Дёргается как-то. Доходим до двойных дверей, ждем пока откроют. Слышу собачки на улице опять гавкают. Настораживает. Вроде всё, как обычно, но что-то не так. Чуйку не обманешь.

Перед дверью в госпиталь Дамир тормозит.

— Лицом к стене, — командует.

Поворачиваюсь, руки назад.

— Тимур, я не могу сказать конкретно, но какая-то хрень намечается. Ханжин договорился с Моржом, молодняк устроит потасовку. Не знаю где и когда. Но будь готов, — Халилов говорит почти шепотом.

Твою мать.

— Если что узнаю ещё, скажу. А пока не расслабляйся, иначе увезут в мешке, — Дамир хлопает меня по плечу. — Абаев, заходи, — говорит громче.

В госпитале один надзиратель. Сидит на кушетке при входе, смотрит в стену напротив. Шмыга дрыхнет. Подхожу к своей койке, ложусь. В голове рой мыслей. Я привык жить с вечным риском. Семь лет на зоне и ты становишься зверем готовым атаковать в любую секунду. Но сейчас всё изменилось.

Я не хочу жить одним днём и одним часом. Сейчас я хочу выйти отсюда и забрать Арину. Быть с ней. По-нормальному. Ну, или постараться быть таким. Ведёт меня от нее. Никогда так не заикливался. Поэтому уверен, что это не просто похоть. Хотя от одной мысли о девочке, у меня всё дымится. Но есть что-то ещё. Что-то такое, что я не чувствовал. А я вообще никогда ничего не чувствовал.

Нельзя сейчас проиграть. Ставка слишком высока. И если придется рвать зубами, я всё сделаю.

Никого не пожалею.

Глава 12. Арина

Смены в колонии пролетают незаметно. Я думала, на скорой время быстро идёт, но нет. Устаю от работы так, что валюсь спать сразу, как прихожу домой.

Алёнка переживает, но поддерживает. Я и сама за себя переживаю, две недели работы и тут, и там – вымотали. Но осталось ещё немного.

С одной стороны, я рада. А с другой... Тимур этот не выходит из головы. С моральной стороны вопроса, я понимаю, что у меня сдвиг по фазе. Не должен нравиться такой человек, но его подавляющая энергетика не вызывает страх. А наоборот, ему хочется подчиняться. Хочется залезть к нему на руки и свернуться калачиком как кошка. Но я прекрасно понимаю, что это не нормально. У меня явно какие-то нарушения психики. Надо записаться к врачу и провериться.

Алёне я рассказала сразу. И про Тимура, и про Дрёмова. Ожидала, что она скажет, чтобы я присмотрелась к Ивану Николаевичу, подруга рассматривает только обеспеченных и статусных мужчин. И такие, как Дрёмов – ее вариант. Но она была в бешенстве. Сказала, чтобы в следующий раз я писала жалобу на его домогательства. Фу, как вспомню какой он слюнявый, аж подташнивает.

После того поцелуя, мы виделись мимоходом. Он пытался заговорить, но я быстро уходила, ссылаясь на работу. И, к

счастью, он не настаивал на общении.

Кристина Алексеевна вернула Тимура в камеру на следующий день, после того, как я зашила его. Сначала расстроилась. А потом подумала, что это к лучшему. Не будем видеться, не будет этого чертового влечения. Но я всё равно о нем думаю, не буду врать.

Шмыга всё также лежит в госпитале, его шов плохо заживает. Думаю, если бы ему всегда оказывалась адекватная помощь, он быстрее бы выздоравливал. Но Кристина как будто специально делает всё, чтобы он или умер от инфекции, или лежал в госпитале месяцами. Я в эти дебри не лезу, у них свои разборки.

— Эй, о чем задумалась? – Алена толкает меня локтем в бок. Мы едем с последнего вызова, впереди у меня ночная смена на зоне.

— Да ни о чем. Устала, хочу на шашлыки, – улыбаюсь.

— Закончишь работать там, съездим на дачу. Кирилл тоже на днях говорил за шашлыки. Но из него такой едок, сама знаешь, – подруга закатывает глаза.

Смеюсь. Да, Кирилл любит понадкусывать, но ничего нормально не съесть. Это, кстати, ещё одна тема для их ссоры.

Смотрю на часы, не успею в душ. Да и переодеться тоже. Значит, поеду в форме скорой. Дядя Миша подвозил меня последние разы, надеюсь сейчас тоже подкинет, иначе опоздаю.

Быстро сдаюсь у Нины Николаевны, бегу в раздевалку. За-

пихиваю вещи в спортивную сумку и спускаюсь.

На улице жара, ветерок хоть и есть, но прохладнее от него не становится. Черт, как я хочу помыться. Алёна выходит следом за мной.

— Запрыгивайте, время уже, — дядя Миша уже сидит в своей машине и снова курит.

Садимся, они везут меня в колонию. К счастью, не попадаем в пробки и я не опаздываю.

— Давай, с богом, — бросает дядя Миша мне в спину.

Отправляю им воздушный поцелуй и быстрым шагом иду на КПП. Меня пропускают без вопросов, даже сумку не досматривают. А вдруг я проношу оружие или что-то запрещённое?

В дверях колонии сталкиваюсь с Дрёмовым. Ну блин. Я на него налетела, а он воспользовался возможностью и приобнял меня за талию.

— Арина, — улыбается.

— Здравствуйте, Иван Николаевич. Извините, налетела на вас.

Он хмурится, убирает руку с моей талии.

— Просто Ваня. Называй меня по имени.

Да чтоб тебя!

— Это невозможно, — улыбаюсь. — Ну, я пошла.

Стараюсь быстрее от него избавиться, как он снова тянет свои лапы ко мне.

— Тебе очень идёт эта форма. Синий цвет прямо под твои

глаза. Загляденье, – смотрит на мою грудь, потом на губы. Гад, хоть бы глаза поднял ради приличия.

— Спасибо, мне пора, – практически убегаю от него. На встречу идёт Дамир. Люблю, когда он на смене. Сразу работает спокойнее. Мы практически не общались, но он создаёт ощущение безопасности. Наверное, услышал, что мне говорил Дрёмов.

— Привет. Тебе и правда идёт форма.

Слышал, значит.

— Привет, спасибо. Тебе тоже идёт твоя форма, – улыбаюсь.

— Пойдем, провожу тебя, – мужчина кивает в сторону коридора. Если к разбитым стенам и порванному линолеуму я привыкла, то к вечному сквозняку и запаху сырости – нет. Я бывала в подвалах и в неблагополучных квартирах, но там никогда сырость не пахла как здесь. И нигде сквозняк не был такой обжигающий.

Дамир проводил меня до медблока. Я переоделась в обычную одежду, сверху надела халат. Форму положила обратно в сумку. Как же я хочу просто лечь. Но как говорит бабушка: «Отдохнем, когда помрём».

Иду в госпиталь, проверить, кто сегодня в пациентах. На удивление только один Шмыга. Он лежит на спине, смотрит в потолок. Услышав меня, приподнял голову, подмигнул.

— Здравствуйте, как вы себя чувствуете? – подхожу к нему.

— Пойдет, не помер ещё, как видишь, – хмыкает.

— Не в мою смену, ладно? – стараюсь поддержать его шутку.

Шмыга хрипло смеётся.

— Вам повязку меняли?

— Нет.

А чего я ожидала? Иду к шкафу, достаю бинты и перекись. Краем глаза замечаю, Дамир наблюдает за мной через открытую дверь. Вопросительно киваю, мужчина отрицательно машет головой. Ну ладно, может ждёт чего.

Возвращаюсь к Шмыге, он уже задрал майку до груди, лег на бок. Шов всё ещё плохо заживает и это меня беспокоит. Меняю повязку, смотрю, чтобы не туго было.

— Будь на чеку, мелкая, – неожиданно говорит Шмыга.

— В каком смысле? – опускаю его майку. Только сейчас замечаю, у мужчины зелёные глаза. До этого как-то не рассматривала его. Худощавый, темноволосый. Но глаза необычного цвета.

— Ты же не дура. Видишь, что Абай и Дрёмов запали на тебя. Ещё немного и вцепятся друг другу в глотки.

— С Тимуром что-то случилось? – я хотела спросить не с таким переживанием в голосе.

Мужчина улыбнулся уголком губ.

— Нормально всё с ним. Пока. Но Дрёмов его прижучит скоро, отправит в карцер за какую-нибудь хренотень. И будет твой благоверный там мариноваться.

— Он не мой благоверный.

Шмыга смеётся.

— Ну да, ты ж поэтому вся аж побледнела, когда спросила за него. Мой совет тебе: не отсвечивай, что Абай нравится тебе. Выйдет через полтора месяца и вошкайтесь сколько влезет. На воле у него сил больше. А здесь он, один хрен, под гнётом, — Шмыга смотрит на меня серьезно.

— Что такое вошкайтесь? — спрашиваю.

Мужчина начинает громко смеяться. Успокоиться не может, аж слезы из глаз. А что я такого спросила? Тут при входе не выдают словарь тюремного жаргона.

— Смешная ты, мелкая, — Шмыга вытирает глаза тыльной стороной ладони.

Глава 13. Арина

Заканчиваю с бумажной работой около половины первого ночи. На удивление ещё никого не привели. До этого каждую ночную смену у них то поножовщина, то драка, то в карцере кто-то пытался самоубиться.

На собеседовании Дрёмов говорил, что у них не случаются никакие чп, что всё под контролем. Но видимо контроль есть у всех, кроме него.

Откидываюсь на стуле. Спина болит, шея ноет. Ноги запарились в кроссовках. Хочу в душ, выпить сладкий чай и спать. Надо завтра утром позвонить бабушке, что-то она давно мне не предлагала клубнику. Сейчас ягоды, потом кабачки пойдут. Куда всё складывать, где хранить? Часть Алена заберёт, но это всё равно не облегчит ситуацию. А что, если...

Из мыслей меня выдергивает грохот где-то за двойными дверями медблока. Дверь в кабинет открыта, поэтому я всё слышу. Напрягаюсь. Дальше топот, голоса. Опять сильный грохот. Сирена. Собачий лай.

Выхожу в медблок, глазами ищу дневальных. Андрей стоит перед дверьми, держит автомат дулом вперёд. Рядом с ним Стёпа, который также в боевой готовности. У обоих плечи напряжены.

— Ребята, что случилось? – спрашиваю тихо.

— Бунт, – отвечает Андрей.

— Абаевские и молодняк опять сцепились. Трое убитых, десять раненых.

Чувствую, как страх медленно подступает к горлу. Бунт заключённых – это очень плохо. В голове сразу кадры из бандитских сериалов, новостные сводки. Всё всегда заканчивается жертвами. Неважно с какой стороны.

Вдох-выдох. Нельзя поддаваться панике.

— Кто пострадавшие? Надзиратели или зэки? – спрашиваю оставаясь в дверях.

— Да хрен знает, непонятно пока. Знаю только, что Ханжина ранили, – Стёпа отзывается.

— Арина, зайди в госпиталь к Шмыге, и не выходи, пока мы не скажем.

— Если там раненые, значит, нужно вызвать скорую. Я одна точно не справлюсь с десятью. Тем более нечем зашивать, практически ничего нет здесь, – делаю шаг вперёд.

— Арина, зайди, иначе зацепят, – за спиной голос Шмыги.

Надзиратели вместе поворачиваются и смотрят на мужчину растерянным взглядом.

— Иванов, вернись на койку, – Андрей направляет на него автомат.

Шмыга поднимает руки вверх, показывая беззащитную позу.

— Я пришел за ней, сейчас вернёмся. Пойдем, Арина, – Шмыга говорит с нажимом.

— Как я могу прятаться, когда там раненые? Я вообще-то врач, если вы забыли, – стараюсь не истерить, но бесит, что меня не воспринимают всерьёз.

Стёпа что-то собирался сказать, но снова раздался звук сирены и над железными дверьми сработали датчики – замигали красные лампы. Сердце колотится как бешеное.

Надзиратели мрачнеют, переглядываются. Шмыга хватает меня за руку и тащит в госпиталь. Не вырываюсь, но плохо соображаю, что сейчас происходит.

— Арина, не будь истеричкой. Сейчас не та ситуация, чтобы показывать характер, – Шмыга отпускает мою руку и толкает вперёд.

— Я не истеричка, а врач. И если людям там нужна медицинская помощь, неважно с какой они стороны, я должна эту помощь оказать, – сажусь на свободную койку.

— А ещё ты забыла, что ты баба. Знаешь, что может случиться с красивой женщиной в толпе голодных мужиков, у которых секса годами не было?

Шмыга закрывает дверь в госпиталь, подходит к окнам. Они от середины стены и до потолка, все в решётках. Никак не посмотришь, что на улице.

— Замес походу жёсткий, – говорит задумчиво.

В коридоре странные звуки. Мужские крики, стоны. Выстрелы.

Дышу глубоко, стараюсь не поддаваться панике. Нельзя. Нужна холодная голова. Я, в первую очередь, врач. Все сан-

тименты — потом. Чем я спокойнее, тем лучше сделаю свою работу.

Резко встаю, выбегаю в медблок. Чувствую запах гари, но дыма нет. Наверное, это порох так пахнет. Ребят здесь нет, двери открыты. Между железными дверьми капли крови.

Осторожно иду вперёд и вижу ужасающую картину. Длинный коридор соединяющий медблок и камеры, в которых содержатся заключённые, залит кровью. Весь пол в каплях и красных разводах. Стёпа сидит на полу, голова неестественно свисает вниз. Сажусь перед ним на корточки, проверяю пульс. Ничего. Замечаю в середине груди мокрое пятно. Убит. Мы общались десять минут назад, как же так. Трогаю его запястья, потом снова шею. Пульса нет. Но он ещё тёплый.

Эмоции потом, Арина. Сейчас не время. Но слезы подступают к глазам, в горле ком.

Слышу шорох и мужской хриплый смех. Встаю, тихо иду на звук. Выглядываю из-за угла, все вторые сплошные двери камер открыты. Заключённые внутри, но закрыты дверьми-решетками. Они видят все, что происходит в коридоре.

Женя стоит ко мне спиной. Перед ним на полу лежит мужчина, он ранен. Не понимаю, насколько тяжелые травмы, по робе вижу, что это заключённый. У мужчины прерывистое тяжёлое дыхание. Женя направляет на него автомат.

— Ну что, Савва, видишь, что бывает с шестерками Абая? А перешёл бы ты на *правильную* сторону, не лежал бы здесь

как кусок говна, – Женя смеётся как психически нездоровый человек, поднимает ногу, чтобы пнуть лежащего в живот.

— Не вздумай, – выхожу к нему.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.